

**Муниципальный этап Всероссийской олимпиады школьников
по литературе
2023/2024
9 класс**

Задание 1 (70 баллов)

Вам необходимо выполнить один из вариантов задания, связанного с анализом прозаического или поэтического текста.

Вариант №1 (прозаический текст)

Выполните целостный анализ рассказа **Павла Филипповича Нилина «Старик Завеев»**. Продемонстрируйте знание теоретико-литературных понятий и культурного контекста эпохи. При написании текста можете опираться на следующие вопросы, однако помните, что ваша работа должна представлять из себя цельный текст, а не список ответов на вопросы.

1. Какие особенности языка рассказа вы можете выделить (синтаксис, лексика)? С какой целью автор использует в произведении элементы разговорного стиля?
2. Проанализируйте место и время действия в произведении. Какую роль они играют в судьбе персонажей?
3. Почему люди так жестоко относились к семье Завеевых? Какова роль второстепенных персонажей в тексте? Как рассказчик относится к описываемым событиям?
4. Проанализируйте образы персонажей. Как раскрываются их характеры на протяжении произведения?
5. В чем, по мнению рассказчика, заключается подлинная сила любви?

Павел Филиппович Нилин
(1908–1981)

СТАРИК ЗАВЕЕВ

У Завеева Егиазара Семеновича умерла жена, когда ему шел уже шестьдесят второй год. Дети выросли, разбрелись по свету. Завеев остался один в просторном доме над Ангарой.

Было это, кажется, в тысяча девятьсот втором году. Завеев погоревал недели две и решил жениться.

Весь поселок пришел в смятение — и оттого, что Завеев не выдержал положенный срок после смерти супруги, и оттого, что на склоне лет, когда люди думают о смерти, возмечтал вступить в брак.

И, главное, возмутило всех, что он замыслил взять в жены девочку-сироту Евфросинью, которой едва исполнилось шестнадцать лет.

Шестнадцать и шестьдесят два. Что он, рехнулся, что ли? Ну, девочка, понятно, еще не знает, что это такое — брак. И, кроме того, ей деваться некуда, не у кого жить.

А он-то, Завеев, должен бы соображать — что к чему.

Из Красноярска, услышав о женитьбе отца, приехал старший сын Георгий.

— Тятя, что вы творите, подумайте. Она же, эта девочка, Фрося, имейте в виду, гвозди в кармане носит.

— Какие гвозди? — удивился Егиазар.

— Как какие? Обыкновенные. От вашего гроба. Она же с нетерпением станет теперь ждать тот час, когда... это самое... когда можно будет заколотить ваш гроб. И она, поимейте это в виду, останется полной хозяйкой в доме, когда вы, одним словом, угаснете...

— Вот и хорошо, — просиял Егиазар. — Вот и хорошо, что нашелся человек для такого дела. А то как же я помру в одиночестве. Все разошлись, и некому даже мой гроб заколотить. Это, Гоша-сынок, для меня блаженный случай — жениться сейчас, покуда я еще не очень будто бы старый. А то кто же после-то за меня пойдет? А мне без жены нельзя. У меня, вон ты видишь, дом, хозяйство, две коровенки, конь и полная тайга зверя, за коим я обязан наблюдать и охотиться.

— Да для чего вы девочку-то в жены берете? — закричал в негодовании Георгий. — Разве мало взрослых баб? Ведь мне сорок второй год, я помоложе вас, подсчитайте, на двадцать лет, а и то я ни за что бы не решился...

— В этом же и все дело, — усмехнулся Егиазар. — В этом же все дело, что надо решиться. И кто может решиться. Ты вот не можешь, а я могу. И решаюсь. А кто что говорит — мне все это не очень интересно слушать. И за всех и за все мнения я отвечать не берусь. Отвечаю только за себя, раз я остался в полном, как ты замечаешь, одиночестве.

Приезжал к Завееву священник из Тулуна, долго беседовал, увещевал. Под конец беседы стал грозить, как водится, геенной огненной.

Завеев, однако, не сробел. Он с упорством изувера противостоял всеобщему недовольству.

И девочка эта, Евфросинья, также на удивление всем, не поддавалась уговорам, не покорилась перед угрозами, утверждая с завидным бесстрашием, что любит Егиазара Семеновича и жить без него, без его участия не сможет.

И когда он сумел так влюбить ее в себя, чем словчил соблазнить непонятно.

По закону венчаться они не могли, пока невеста не вступила в свое совершеннолетие. И некоторое время они жили невенчанно, буквально под улюлюканье всего поселка и ближайших к поселку иных селений.

Наконец Евфросинья достигла совершеннолетия. Священник вынужден был их обвенчать, узаконив, таким образом, этот неравный брак.

Венчались они под вечер. Была глубокая осень, шел дождь. Но у церкви собрался в самом деле весь поселок, чтобы осмеять новобрачных.

Мальчишки, заложив пальцы в рот, свистали им вслед.

На свадебный ужин, конечно, никто не явился. Да Завеев и не пригласил никого. Но ужин был истинно свадебный: свинина и телятина, рябчики, жаренные в бруснике, водка, настоящая на облепихе и на пахучей траве-зорянке, зелено-палевая, ядовитая с виду, но прохладно-сладостная на вкус.

Пил водку, правда, только Егиазар. Евфросинья чокалась с ним мятным квасом в граненом лафитнике. И оба делали вид, что не обращают никакого внимания на окна, забрызганные дождем, как слезами, и залепленные носами и щеками нелюбезных, но любопытных соседей.

Окна нарочно не были задернуты занавесками. Смотрите, мол, все, кто желает, на наше счастье или на нашу глупость, как уж вам милее покажется.

Поселок особенно изощрялся в насмешках, когда, месяца не выдержав после свадьбы, Евфросинья родила мальчика.

И мальчик был лобастый, большеглазый, вылитый Егиазар Завеев, угрюмо и в то же время как бы насмешливо смотрящий на свет, будто заранее высмеивающий своих возможных противников.

На крестины тоже никто не пришел, кроме крестного отца Митрофана Хахалева, случайно заехавшего сюда бакалейщика, и

повивальной бабки Кудимиhi, настолько упившейся за ужином сладкой водкой на облепихе, что позволившей себе утверждать, будто Егиазар когда-то ухаживал за ней и, можно было понять, что на ней и собирался жениться.

— Да на что ты мне нужна была бы, старая кукушка? — сдержанно вскипел Егиазар. — Погляди-ка пойдй на себя в зеркало.

— Нет, ты сам сперва погляди на себя, — зло посоветовала Кудимиha. — Ты же в дедушки годишься своей жене.

— Ну, а вам-то какое дело? — спросила Кудимиху Евфросинья. — Вы-то зачем лезете не в свой огород?

— Хлюзда, интересантка неблагодарная! — вскрикнула, словно от невыносимой боли, Кудимиha. — Да ежели б не я, да не мои старания, да не мое жалостливое сердце, кто бы стал тут в тайге принимать от тебя твоего сынка-поросенка, кто бы в свидетели да в крестные пошел при вашей свадьбе и крестинах, кабы не уговорила я же Хахалева Митрофана Егорыча?! Да он, видите, все-таки не пошел от стыда с вами ужинать, побрезговал вашими сладкими харчами и выпивкой. От людей ведь подумать только, какой стыд, что живете вы против правил всех...

В двух пунктах своей длинной ругательной речи нанесла тягчайшее оскорбление хозяйке дома Кудимиha. Это, во-первых, когда произнесла страшное слово «интересантка», и во-вторых, когда обозвала сынка Васеньку поросенком.

Кроткая Евфросинья огрела Кудимиху скалкой по хребту, чем словно бы предупредила весь поселок и всех насмешников и недоброжелателей, что кротость ее не безгранична и что на тягчайшие оскорбления она способна отвечать соответственно.

Через год Евфросинья родила второе дитя, опять мальчика — Иннокентия. И так последовательно произвела на свет троих: двух мальчиков и одну — в заключение — девочку.

Вот с одним из этих троих я и познакомился летом тысяча девятьсот шестидесятого года на строительстве Братской ГЭС. Он и рассказал мне вышеописанную историю его родителей. Больше того, он познакомил меня со своим отцом и матерью, прибывшими к нему погостить.

С первого взгляда отец показался мне не очень старым. Высокий, поджарый, он похож был на жителя пустыни — черно-коричневый, будто выгоревший на солнце. Ему могло быть и шестьдесят и семьдесят, но уж никак не сто с лишним.

Однако чешуйчато-сухие руки и белесая пленка вокруг глазных яблок, точно такая, как у засыпающих птиц, подтверждали его весьма значительный возраст. И передвигался он с особой осторожностью, чуть потрескивая суставами, как стрекоза крыльями.

Среди множества вопросов я задал ему и вопрос о судьбе соседей — тех, кто высмеивал его, женившегося на девочке.

— Примерли, — сказал он. И в глазах его блеснула искра озорства тут же, впрочем, погашенная слезой слабости. — А девочка эта, как вы изволили выразиться, вот она, — указал он на маленькую старушку, сидевшую у ярко освещенного солнцем зеленого штакетника на лавочке. И снова повторил уже без вспышки в глазах: — А соседи наши, те самые, все примерли. Все, все до одного. Никого не осталось. — И помолчав: — Некому, одним словом, теперь смеяться. Хотя и надо бы...

Я присел на лавочку рядом с этой худенькой, невзрачной, по-сибирски скромно, но опрятно одетой старушкой.

Она сидела у самого края лавочки и, казалось, безучастно смотрела на редеющий на этом участке лес, на взрыхленную разными механизмами

землю и на бледно-изумрудную воду могучей реки, над которой и тут и там вытянули свои шеи подъемные краны. Мне хотелось заговорить с нею, но я еще не знал, с чего начать. Вдруг она заговорила сама.

— Мелеют реки. А отчего? — будто спросила она и вытерла сухие губы концом пестрого головного платка. — Оттого и мелеют, что люди сводят лес. А ведь, наверное, и после нас тут народ будет находиться. А без леса какое же удовольствие жизни. Один угар.

Голос ее удивил меня неожиданной твердостью. И слова удивили. Удивил самый смысл слов.

— Но это только здесь, вблизи, так кажется, что леса немного, — сказал я. — А дальше-то тайга...

— Это вы что, мне разве рассказываете? — повернула она в мою сторону даже с некоторой поспешностью узенькое, темное, иконописное свое личико. И в глазах ее, некогда, должно быть, больших и синих, на мгновение промелькнуло едва ли не высокомерие. — А я ведь в тайге, однако, сизмальства живу. Со дня моего рождения. И с Егiazаром Семеновичем, как вышла за него, обошла и объехала, однако, достаточно тут. Он же ведь еще недавно звероловом был...

Она, похоже, с волнением торопилась изложить все это, чтобы у постороннего человека поскорее возникло правильное представление о том, кто она и кто ее супруг.

Говоря же так с неожиданной торопливостью и все возрастающим волнением, она как бы молодела на моих глазах, помогая мне вообразить, какой была она шустрой девочкой, девушкой в ту пору, когда полюбила вдруг этого с виду угрюмого зверолова с необыкновенным именем Егiazар.

А он стоял в этот момент уже в некотором отдалении, опираясь на длинную суковатую палку, — высокий, худой и, может быть, даже сердитый.

— Думает, — почти с благоговением посмотрела она на него. И почему-то, понизив голос, как по секрету, стала убеждать меня, что он совсем не сердитый и не угрюмый. — Вы даже не можете себе представить, какой он, однако, веселый и добрый, — говорила она. — И с ним не страшно нигде — ни на реке, ни в лесу. Я же с ним всю жизнь, как один день, прожила. И ни на минуточку, однако, не соскучилась...

Глаза у старухи в этот момент как бы снова стали большими и синими. И я подумал, что чудо, наверное, вовсе не в том, что любовь порою сводит во многом неравных людей. Чудо, пожалуй, в ее бессмертии...

1964

Вариант №2 (лирический текст)

Выполните целостный анализ стихотворения **Арсения Александровича Тарковского «Я прощаюсь со всем...»**. Продемонстрируйте знание теоретико-литературных понятий и культурного контекста эпохи. При написании текста можете опираться на следующие вопросы, однако помните, что ваша работа должна представлять из себя цельный текст, а не список ответов на вопросы.

1. Как вы думаете, какие образы и мотивы являются ключевыми в стихотворении?
2. Проанализируйте средства художественной выразительности, использованные автором. Как они способствуют раскрытию идеи поэтического текста?
3. Какую роль в тексте играют повторы (например, слов «здравствуй» и «прощаюсь»)?
4. Для чего в тексте лирический герой переходит от местоимения первого лица к местоимению третьего лица («на себя — на него»)?
5. Проанализируйте строфику стихотворения. Как связана форма произведения с его содержанием?

Я ПРОЩАЮСЬ СО ВСЕМ...

Я прощаюсь со всем, чем когда-то я был
И что я презирал, ненавидел, любил.

Начинается новая жизнь для меня,
И прощаюсь я с кожей вчерашнего дня.

Больше я от себя не желаю вестей
И прощаюсь с собою до мозга костей,

И уже наконец над собою стою,
Отделяю постылую душу мою,

В пустоте оставляю себя самого,
Равнодушно смотрю на себя — на него.

Здравствуй, здравствуй, моя ледяная броня,
Здравствуй, хлеб без меня и вино без меня,

Сновидения ночи и бабочки дня,
Здравствуй, всё без меня и вы все без меня!

Я читаю страницы неписанных книг,
Слышу круглого яблока круглый язык,

Слышу белого облака белую речь,
Но ни слова для вас не умею сберечь,

Потому что сосудом скудельным я был.

И не знаю, зачем сам себя я разбил.

Больше сферы подвижной в руке не держу

И ни слова без слова я вам не скажу.

А когда-то во мне находили слова

Люди, рыбы и камни, листва и трава.

1957

Задание 2 (30 баллов)

Представьте, что вы редактор издательства, который сопровождает книгу на всех этапах ее производства. Сейчас вы отвечаете за издание серии, в которой много иллюстраций в едином стиле.

Недавно ваш штатный дизайнер сменился, не закончив работу над книгой. Для нового сотрудника вам нужно составить **техническое задание** на иллюстрацию (серию иллюстраций) к тексту, приведенному ниже.

1. Изложите общую дизайнерскую концепцию серии, доминирующие цвета и приемы.
2. По опыту вы знаете, что иллюстраторы могут совершать исторические ошибки. Постарайтесь предупредить возможные неточности, объяснив значение слов, которые могут быть незнакомы современному человеку.
3. Составьте список источников, к которым дизайнер может обращаться за референсами. Обычно референсом называется изображение, композиция и стилистика которого может оказаться полезной в разработке новой иллюстрации, но вы также можете включить в этот список главы из исторических книг, фильмы. Однако стоит убедиться, что сами референсы не содержат ошибок.

Ваше техническое задание должно быть как можно более подробным, содержать информацию об одежде, примерной внешности, позах изображенных лиц и/или общей композиции изображения.

Рекомендованный объем работы — 250–300 слов.

Текст, к которому запрошена иллюстрация:

<...> Это было на рассвете. Я стоял на назначенном месте с моими тремя секундантами. С неизъяснимым нетерпением ожидал я моего противника. Весеннее солнце взошло, и жар уже напевал. Я увидел его издали. Он шел пешком, с мундиром на сабле, сопровождаемый одним секундантом. Мы пошли к нему навстречу. Он приблизился, держа фуражку, наполненную черешнями. Секунданты отмерили нам двенадцать шагов. Мне должно было стрелять первому: но волнение злобы во мне было столь сильно, что я не понадеялся на верность руки и, чтобы дать себе время остыть, уступал ему первый выстрел; противник мой не соглашался. Положили бросить жребий: первый номер достался ему, вечному любимцу счастья. Он прицелился и прострелил мне фуражку. Очередь была за мною. Жизнь его наконец была в моих руках; я глядел на него жадно, стараясь уловить хотя одну тень беспокойства... Он стоял под пистолетом, выбирая из фуражки спелые черешни и выплевывая косточки, которые долетали до меня. Его равнодушие взбесило меня. <...>